

КЛЯТВЕННЫЕ РИТУАЛЫ БУРЯТ

Аннотация: В статье описываются формы сакрального правосудия, определяемые как культурно-исторические феномены обычного права бурятского общества. Установлено, что в правовой культуре бурят различаются шаманские, административно-должностные, очистительные клятвы, а также присяга на верность и клятва на подданство. Выявлено, что клятва и присяга были тесно связаны с представлениями бурят о потустороннем мире и культом предков.

Ключевые слова: сакральное правосудие, шерть, *арюуни тэнгэри*, ритуальные обряды.

Miyagasheva Surzhana Borisovna,
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

THE OATH RITUALS OF THE BURYATS

Abstract: The article describes the forms of sacred justice, defined as cultural and historical phenomena of the customary law of the Buryat archaic society. It is established that in the legal culture of the Buryats there are shamanistic, administrative-official, purifying vows, as well as an oath of allegiance and an oath of allegiance. It was revealed that the oath was closely related to the representations of the Buryats about the other world and the cult of ancestors.

Keywords: sacred justice, shert, aryuni tengeri, ritual ceremonies.

В архаической правовой системе бурятского общества особое место занимали клятва и присяга. Они назывались бурятским словом *шахал* и делились на должностные клятвы, такие, как шаманов при посвящении в сан, клятвы чиновников при вступлении в административную должность, и очистительные клятвы, подтверждающие невиновность человека в том, в чем его обвиняют. Особняком можно отметить вассальную клятву верности и присягу на подданство государству, иначе называемую шерть. Все они являлись регуляторами общественных отношений и играли ведущую роль в обычном праве бурят. Например, клятвы очистительного характера давались в криминальных и исковых делах, когда не было достоверных свидетелей, и служили в качестве *ultima ratio*. Они играли ключевую роль в принятии решения судом и определения мер наказания: «Если кто из преступников, подлежащих смертной казни, при всех допросах, ему учиненных, не признался, и притом не было свидетелей, которые могли бы уличить его в преступлении, а между тем обстоятельства заставляют почитать его виновным, то нет другого средства к открытию истины, кроме присяги. Если обвиняемый примет присягу, то тем и решит дело, прекратив всякое следствие, если же обвиняемый поколеблется и не даст присяги, то признают его виновным» [Стуков, 1879, с. 357].

Наиболее архаичной в сфере клятвенных ритуалов являлась шаманская присяга *бөөгэй шахал*, которая представляла собой кульминационное действие обряда инициации неофита. Клятва представляла собой универсальный кодекс чести бурятского шамана и гласила, что он клянется помогать всем людям, независимо от их социального и материального положения. В клятве неофит обращался к восточным и западным небожителям, которые ведали правосудием, «визировали» и скрепляли его присягу, следили за надлежащим исполнением полномочий. Торжественное произношение шаманской присяги закреплялось ритуалом с использованием крови домашних животных – козленка, кобылы, возможно птиц [Хангалов, 2004б, с. 148]. У кудинских бурят для ритуала шаман должен был ударить козленка ножом в сердце, а кобылу проколоть мечом в грудь, и кровью намазать себе глаза, уши, рот и нос [там же, с. 315]. Подобный обряд именовался «кровавым теломытием» и символизировал, что у шамана открыты духовные очи, уши, рот и нос, и он будет узнавать всю правду, видеть духов, разговаривать с ними и слышать их слова [Хангалов, 2004а, с. 153-154]. У балаганских бурят кровь жертвенного животного выпивалась неофитом, а мясо отдавалось женщинам, которые варили его и съедали. Мужчинам и шаманам есть жертвенное мясо запрещалось [Хангалов, 2004б, с. 124]. «Кровавое теломытие» могло проводиться шаманами регулярно, несколько раз в год как очистительный обряд в случае, если он осквернился от прикосновения к «нечистым» предметам. Также время от времени с кровью жертвенных животных проводился ритуал очищения, сакрального оживления и одушевления риту-

альных принадлежностей - костюма, головного убора, бубна и прочего, называемый «*амилуулха*» [Михайлов, 1987, с. 39].

Присяга с использованием крови была известна многим тюрко-монгольским народам. Рашид-ад-Дин указывает, что «монгольский обычай таков, что они приносят друг другу клятву кровью» [Рашид-ад-Дин, 1952, с.186]. У монголов, давая торжественную клятву верности дружбе (анду) или договору, выпивали кровь из рога коровы, нередко клятва у монголов подтверждалась разрубанием пополам жеребца или кобылы [Цыбикдоржиев, 2003, с. 279].

К архаичным способам присяги относится клятва на крови собаки. Подобная традиция была известна енисейским кыргызам [Бахрушин, 1955, с. 183], и практиковалась среди народов Сибири. Например, у тунгусов для принесения клятвы прокалывали отверстие в груди жертвенной собаки и руками обрывали аорту. Затем приносящий клятву спускал немного крови в берестяную посудину и выпивал из нее несколько глотков. Считалось, что дух собаки входит вместе с горячей кровью в того, кто дает клятву, и осуществляет наказание. Подобная традиция считалась высшей формой клятвы и подтверждением истины [Миллер, 2009, с. 168-169]. Аналогичная клятва существовала в XVII в. у бурят и у якутов, которые разрубали собаку саблей и облизывали окровавленный клинок [Бутанаев, 2003, с. 64].

Кровь в ритуалах олицетворяла сакральную субстанцию, и в мировоззрении людей она обладала магическими силами, в том числе омолаживающими, оживотворяющими и очистительными свойствами. В соответствии с этим ее использовали для проведения различных ритуалов - пили, мазали тело, окропляли и прочее [Леви-Брюль, 1994, с. 522–523]. Вероятно, особой сакральной силой обладала свежая кровь из грудной полости, т.к. именно этой кровью совершался обряд присяги. Например, у хакасов внутренняя кровь *кõgic ханы* первого добытого на охоте зверя применялась для кропления духам гор [Бутанаев, 2003, с. 37]. Сама процедура забоя животного посредством разрыва рукой груднобрюшной преграды называлась у бурят *урлэхэ* и была основана на поверье о нахождении души животного в его груди, которую следовало «освободить», в противном случае считалось, что не будет сохранения и преумножения скота [Манжигеев, 1978, с. 81].

Особый интерес представляет практика клятвенного жертвоприношения собак, которые в мифологическом осмыслении у бурят считались хтоническими животными. В героических эпосах чаще всего упоминания о собаке встречаются в мифах в связи с мотивами земли и загробного мира – собака сопровождает души умерших в нижний мир, кроме того, она выступает в качестве сторожа у ворот ада. Немаловажно, что в архаических представлениях обиталищем собаки является далекая окраина на северной или северо-восточной (левой) стороне, на границе, отделяющей земной мир от потустороннего [Бурчина, 2012, с. 173]. Как известно, у бурят северная или северо-восточная сторона обладают отрицательной семантикой, а само слово *зуулэхэ* – досл. «идти на восток» означало «отправляться на "тот" свет», который якобы находился на северо-востоке *зуун-хойно* за р. Леной, именуемой *Зулхэ мурэн* [Манжигеев, 1978, с. 54]. Считалось, что в этой стороне обитают восточные небожители *зууни хад*, которые имели эпитет *хуйтэн*, т.е. «холодные» за то, что насылали на людей и домашних животных различные болезни и вред [там же, с. 55]. В мировоззрении бурят именно восточные хаты во главе с владыкой загробного мира Эрлэн номон ханом считались грозными сакральными судьями. В связи с этим, семантическая связь собаки с подземным миром разъясняет ее ритуальную функцию в качестве одного из основных элементов при приношении очистительной клятвы.

У бурят-шаманистов существуют поверья, что владыка загробного мира Эрлэн номон хан ведает сакральным правосудием, и перед ним предстают на суд отступники и грешники, попадающие за свои грехи в его темницу [Центр восточных рукописей и киелографов (ЦВРК). Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 9]. По мифологическим воззрениям Эрлэн номон хан владел канцелярией, в которую входили помощники, писари, доносчики, агенты, управлявшие разного рода делами, ведавшие душами всех существ и проводившие над ними суды после их попадания в мир мертвых. Штат помощников повелителя мира мертвых образовывал сонм божеств, называемых *арюуни тэнгэри* и ведавших разного рода клятвами и присягами у бурят-монголов. Буряты проводили в их честь масштабные обряды, называемые *арюуни хэрэг*.

С почитанием божеств *арюуни тэнгэри* были связаны клятвы как очистительного, так и должностного характера, которые произносились бурятами при вступлении в административную должность. Считалось, что каждое должностное лицо – голова, родовой староста, выборный инородной управы или тайша обязаны устраивать жертвоприношения самому Эрлэн номон хану и его штату. Для обряда необходимо было принести в жертву 9 животных – одну лошадь, одного быка, трех козлов, трех баранов, и 100 котлов молочной водки. Первое жертвоприношение, посвящаемое Эрлэн номон хану и его жене Эхэлур хара хатан, подразумевало жертву каурой лошадей и черным бараном [ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 50-52]. В случае ложной клятвы или ее ненадлежащего соблюдения, в жертву божествам оказывалась принесённой сама жизнь клятвотре-

ступника, а также благополучие его потомства и т.д. Так, за лжеприсягу чиновник должен был поплатиться своим потомством в виде потери из своего поколения до сорока душ по достижении ими совершеннолетия, ито самых лучших из них [ЦВРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 9]. Подобные обряды являлись регулятором общественных отношений в правовом устройстве родоплеменного общества, а грозные восточные небожители считались самым устрашающим оружием против преступлений. Обряды *арюуни хэрэг* устраивались не только при вступлении в административную должность, но и при поступлении на учебу или на военную службу [Манжигеев, 1978, с. 104].

Также в правовой культуре бурят, как и у многих сибирских народов, имели место клятвы, основанные на почитании медведя. Клятва, сопряженная с поеданием или кусанием кусочка медвежьей шкуры, описывается как наиболее обязывающая и страшная [Бадмаев, 2000, с. 69]. Считалось, что клятвопреступник, который в доказательство своей невиновности съел кусочек медвежьей шкуры, не проживет и года, так как медведь сожрет его в течение этого срока [Миллер, 2009, с. 174]. Таким образом, в сакральном правосудии бурят отражены архаические следы культа животных, характерные для родоплеменного строя. Позднее, в эпоху патриархата, с развитием семейно-родовых культов предков, правосудные процессы стали проводиться в сакральных местах, около могил лиц, погибших во имя интересов рода или племени и ставших духами-покровителями бурят. Среди них можно выделить героев эхиритов и булагатов Ажарай бухэ и Харамцай мэргэна, Дошхон нойона, которые были убиты врагами и после смерти возведены в ранг восточных хатов. Близ с. Шишкина и недалеко от Верхоленска, то есть на местах, где, по преданию, были убиты герои, имелись камни, которые вплоть до XIX в. оставались священным местом для принесения очистительных клятв и присяг [ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048. Л. 28-29].

Также для произношения клятв выбирались места расположения одинокой лиственницы, пещер, или высокие скалы – например, Ольхонская пещера, Святой Нос на оз. Байкал, гора Шаманка [там же. Л. 31-34]. Однако одним из самых страшных мест принесения клятвы и присяги считался Шаманский камень, расположенный посередине р. Ангары у Байкала [Георги, 1779, с. 36; Миллер, 2009, 171-172]. Находясь в таком месте, испытуемые не смели врать, так как боялись кары со стороны духов, распространяющейся не только на самих виновных, но и на детей и их потомство [Хангалов, 2004а, с. 160]. Ритуалы присяги проводились на вершинах и возвышенностях, на которых, по шаманским воззрениям, обитали духи-хозяева местности и предков. Кудинские буряты проводили присяги на скале Хабсал, тункинские – на утесе Буха нойона близ горы Шаманка, недалеко от Еловки. Женщинам буряткам категорически запрещалось подниматься на вершины этих святых гор, поэтому для божбы и клятвы им предназначалось небольшое песчаное гуменце *Элэгхун монсок* на юго-восточной стороне от утеса Буха нойона, где, по преданиям, Буха нойон вскормил найденныша Булагата своим пупком [Стуков, 1879, с. 363-364].

Хоринские буряты проводили очистительные клятвы на вершине *Тэнгэрин болдок* – «небесной сопки», которая считалась местом дневного лежбища пестрого пороза Эрэн-буха, являвшегося покровителем Забайкалья. Позднее, с распространением буддизма культ гор был ламаизирован, и гением-хранителем горы стал именоваться Очирвани [там же, с. 359-360], и функция сакрального судьи перешла представителю сонма буддийских докшитов.

С принятием подданства Российского государства у бурят получила распространение клятва-шерть. Дающие шерть-клятву в верности русскому царю шуленги, дарга, родовые вожди должны были целовать дуло заряженного ружья с возведенным курком или лизать острие сабли или меча [Нанзатов, Содномпилова, 2017, 125]. Подобная процедура проводилась вплоть до революции 1917 г., и на этой процедуре присутствовал атаман или воевода острога, а впоследствии, когда были созданы конторы, думы, инородные управы, родовые управления, то шерть принимал уездный исправник и крестьянский начальник участка Иркутской губернии или Забайкальской области [ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048. Л. 31-36].

Аналогичные клятвы с применением оружия бытовали у многих народов Сибири, например, у хакасов, у которых холодное и огнестрельное оружие наделялось карательной силой и в случае обмана при клятве или присяге должно было выстрелить [Очерки истории Хакасии, 2008, с. 288-289]. У калмыков во время присяги прикладывают саблю к горлу, а стрелу к языку или огнестрельное оружие ко рту и произносят клятву [Георги, 1779, с. 10-11]. Именно подобная процедура шертования юридически закрепляла сибирских иноземцев в русском подданстве [Конец, 2006, с. 172].

В качестве основных атрибутов для проведения сакральных обрядов с оружием у бурят применялись в основном шпaga, стрелы или огнестрельное оружие. Считалось, что оружие, на котором дается клятва или приносится присяга, должно поразить клятвопреступника. Применение холодного оружия использовалось также во время присяги шамана. Во время инициации неопита у качугских и кудинских бурят существовал

обычай вручения шаману шпаги *бөөгэй нэлмэ* в качестве регалии от имени родовой группы. Таким образом, шпага шамана была признаком совмещения в его лице духовной и светской власти [Манжигеев, 1978, с. 26].

Кроме шерти на подданство клятвенное оружие символизировало вступление в вассальные отношения и означало присягу на верность. У бурят для подобного ритуала использовалась «властная» стрела, которая вручалась как символ вступления в вассальную зависимость, как постоянное напоминание о данной присяге. Например, в предании о Хан Шаргай нойоне два его верных соратника *жолооши*, т.е. «державшие повод», Харасагай зарин и Хан Хургай нойон присягнули ему в верности под стрелой. В культуре монгольских народов стрела обозначала жизнь и смерть и считалась душой человека *сультэ*. В судебном процессе практиковался ритуал ломания стрелы над головой преступника, этот ритуал заменял смертную казнь и означал, что виновный признается нравственно убитым [Хангалов, 2004а, с. 159].

Семантическое отождествление стрел с сакральным правосудием и их роль в качестве атрибута-медиатора также прослеживается в ритуале кровавого жертвоприношения *харбаха* (стрелять из лука), посвященного трем писарям Эрлэн номон хана [Хангалов, 2004в, с. 294]. Вероятно, стрелы, посвящаемые этим грозным божествам из сонма *арюуни тэнгэри*, служили свидетельством того, что действующее лицо веряет свою душу и жизнь небожителям в качестве гаранта своей присяги на верное служение им.

Таким образом, из приведенного материала можно заключить, что ритуалы клятвы у бурят имели высокий сакральный статус, и, будучи тесно связанными с религиозно-мифологическими воззрениями, выступали в роли юридической «сделки» с потусторонними силами, которые регулировали прижизненные деяния и строго наказывали за несоблюдение присяги. В целом, в сложившейся системе правосудия присутствуют элементы различных исторических эпох, которые занимают важное место в правовой системе традиционного бурятского общества.

Литература

Бадмаев А.А. Реликты культа медведя в культуре бурят // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 72-78.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т.3. Ч. 2. С. 176-224.

Бурчина Д.А. Отражение культа собаки в героическом эпосе бурят // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. 2012. С. 169-174.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 л.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 4. СПб., 1779. 246 с.

Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. 2006. С. 172-177.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: «Педагогикапресс», 1994. 608 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Изд-во «Наука», 1978. 127 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: VIII, 1. Этнографические труды. Ч. 1. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1987. 288 с.

Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Сакральное правосудие в правовой системе бурят // Мир Центральной Азии-4. Сб. статей. Иркутск, 2017. С. 124-127.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / Под ред. В.Я. Бутанаева. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Пер. Л.А. Хетагурова. ред. и прим. проф. А.А. Семенова. – М.: Л., Изд. АН. 1952. Т. 1. Кн. 1.

Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге // Иркутские епархиальные ведомости. № 32. Иркутск, 1879. С. 357-364.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 508 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 312 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 311 с.